

Л. Меньшиков

**Охрана и революция. К
истории тайных
политических организаций,
существовавших во времена
самодержавия**

Часть II. Выпуск II.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Меньщиков**
Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия: Часть II. Выпуск II. / Л. Меньщиков – М.: Книга по Требованию, 2017. – 142 с.

ISBN 978-5-519-51047-9

От автора: "Настоящие очерки основаны, главным образом, на моих личных воспоминаниях и на документах, которые во времена самодержавия были секретными, но в котором я, в силу своего особого служебного положения, имел свободный доступ. Прошлое русского освободительного движения было скрыто под двойной печатью запрета: с одной стороны, оборонительные конспирации революционных партий, загнанных в подполье: с другой - секреты охранной полиции царского правительства: перипетии борьбы этих двух сил, происходившей под знаком тайны и составляют материальную ткань истории русского революционного движения."

ISBN 978-5-519-51047-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Л А В А V.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВЦЫ.

Толстой не политик.—Наблюдение за Ясной Поляной.—Толстой и подполье.—Гектограф Новоселова.—Арест Фальборка.—Смерть Дрожжина.—Обыск у Дунаева.—Высылка Буланже.—Дело Озмидова.—Филеры и граф.—Толстовец-миллионер.—«Свободное слово».—Иностранцы под надзором.—Толстой и рабочее движение.—Гектограф Ушакова.—Толстовские общины.—Рядовой Чага.

ТОЛСТОЙ НЕ ПОЛИТИК.

«Я не политический человек»,—писал Л. Н. Толстой в 1857 году после того, как увидел в Париже гильотину; таким он оставался и всю жизнь. Тем не менее, писатель, не говоря уже о его рационализме в сфере религиозной, часто вторгался, как моралист, в область политических вопросов. Всем памятни мужественные выступления Толстого с протестом против смертной казни («Письмо к Александру III», «Не могу молчать») и в защиту духоборцев («Письмо к Николаю II»). Критика Толстого некоторых сторон «существующего строя» (земельные отношения, милитаризм) носила иногда такой резкий характер, что легко могла быть «подведена» под те или другие статьи уголовного кодекса. Как известно, проповедь свою Толстой вел во всеуслышание и от ответственности не уклонялся; наоборот—желал ее.

Несмотря на все это, Толстому за всю его долгую жизнь не удалось иметь острых конфликтов ни с полицией ни с юстицией. Единственной репрессивной мерой, которую пришлось испытать великому писателю, было лишь знаменитое синодское «отлучение», имевшее, впрочем, более платонический характер. И в то время, когда последователи Толстого, повторявшие только слова своего учителя, подвергались всевозможным гонениям, сам он оставался застрахованным от всяких мер начальственного «воздействия». Даже тогда, когда Толстой, страдая за своих учеников, терпевших преследования, просил, чтобы вместо них привлекали его—истинного виновника, ему отказывали в этой «милости».

В 1896 году Толстой, по случаю ареста в Туле одной женщины-врача, написал министру юстиции Муравьеву письмо, в котором говорил о «неразумности, бесполезности, жестокости мер, принимае-

мых правительством против лиц, которые распространяют его запрещенные сочинения, и просил «все меры наказания, устрашения или пресечения зла направить против того, кто считается виновником его». «Я заявляю вперед,—писал Толстой далее,—что буду не переставая, до самой смерти делать то, что правительство считает злом, а что я считаю священной перед богом обязанностью».

Позднее, в 1908 г., Толстой в одном письме к А. М. Бодянскому признавался: «Ничто бы так вполне не удовлетворило меня и не дало бы мне такой радости, как именно то, чтобы меня посадили в тюрьму — вонючую, холодную, голодную».

Исключительное явление! Толстой всю жизнь провел в России и все время оставался как бы «вне пределов досягаемости». Толстой открыто говорил и писал то, что думал, и ни разу не был за это арестован! Факт, которому едва ли можно найти прецедент в истории русской общественности.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ЯСНОЙ ПОЛЯНОЙ.

Не следует думать, что Толстой был совершенно оставлен без внимания со стороны «недреманного ока».

Имя Л. Н. Толстого в анналах охранной полиции появилось в 1861 г., когда председатель главного управления цензуры запросил 8-го мая главного начальника III Отделения собственной его императорского величества канцелярии о том, «не встречается ли каких-либо препятствий к дозволению графу Толстому быть редактором периодического журнала» (речь шла о журнале «Ясная Поляна»). Шеф жандармов, князь Долгорукий, на это ответил: «препятствий нет».

Почти одновременно легла на Толстого и первая тень подозрения в «неблагонадежности».

24-го ноября 1861 года из Москвы выехал в Ясную Поляну, имение Толстого, студент Московского университета Алексей Соколов, состоявший под надзором полиции «в виду прикосновенности к изданию и распространению запрещенных сочинений» (дело о листах «Великорусс», изданных Обручевым). Начальник 2-го округа корпуса жандармов Перфильев предписал находившемуся в Тульской губернии штаб-офицеру Муратову установить за Соколовым «негласное наблюдение». С этого и началась 39-ая часть дела «о революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (№ 230, 1-ой экспедиции III отделения), посвященная специально Л. Н. Толстому.

Первые «агентурные» сведения о Толстом гласили, что в Ясной Поляне учреждены школы, в которых занимаются несколько студентов, «кои подвергались каким-либо случаям», и что сам граф, «человек умный и весьма замечательный в своих либеральных

направлениях, очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами». Кроме того, в донесениях говорилось, что «у Толстого на собрании всех преподавателей была сказана речь, в которой много заимствовано из Великорусса», что «в Ясной Поляне поселился некто Елагин», и что там был литератор Якушкин, который, проезжая через Тульскую губернию, распространял воззвания.

На основании этих донесений, управляющий III Отделением, генерал Потапов, сделал ряд строжайших предписаний о секретном расследовании. Последние, однако, не дали результатов. Речь «возмутительного содержания» добыть не представилось возможным, более того—оказалось, что о ней даже «нет никаких слухов». Елагин, как выяснилось, через Тульскую губернию хотя и проезжал, но в Крапивенский уезд не заглядывал. Якушкин, оказалось, в Ясной Поляне был, но всего два дня, а относительно распространения им воззваний, по выражению полковника Муратова, «ничего особенного не слышно».

Источником вышеприведенных «агентурных сведений» являлась московская полиция, у которой в это время завелся «секретный сотрудник». В качестве такового выступил временно обязанный князя Долгорукова, дворовый человек Михайло Иванов Шипов, который «объявил желание следить за действиями графа Льва Николаевича Толстого и узнать отношение его к студентам университета, жившим у него под разными предлогами».

Рекомендованный III Отделению самим московским генерал-губернатором Тучковым, Шипов явился в январе 1862 года, имея «конфиденциальное письмо» от генерала Потапова к жандармскому штаб-офицеру по Московской губернии, полковнику Воейкову, которому заявил, что «имеет намерение сблизиться с лицами, занимающимися тайными литографиями и печатанием разных запрещенных сочинений» и в этих видах думает «объясниться с знакомым ему литографщиком и предложить нанять ему отдельную комнату, в которую поставит станок для означенной цели...»

Полковнику Воейкову «проект» этот не мог не понравиться, но к осуществлению его встретилось препятствие: Шипов спросил «для устройства сего... денег от 30 до 50 р.». Полковник, не считая себя в праве «делать такие расходы» (доброе старое время!), мог только предложить агенту «сначала хорошенько удостовериться в справедливости начинаемого им дела», после чего обещал дать «на необходимые расходы».

Шипов, вполне убежденный «в справедливости» своих замыслов, не пожелал ждать и обратился с предложением услуг к местной полиции. Московский обер-полицмейстер, граф Крейц, направил его в распоряжение пристава Городской части Шляхтина, занимавшегося розысками. В то время наблюдениями этого полицейского уже было обнаружено, что «граф Толстой, проживая в Мо-

ске, имел постоянные сношения со студентами, и у него весьма часто бывал студент Осфальд, который был впоследствии замешан в деле распространения «Великоруссов». Шляхтин, зная, что «граф Толстой сам много пишет», и полагая, что, «может быть, он был редактором этого сочинения», приказал Шипову следить за Толстым даже и в том случае, если он будет проживать в Ясной Поляне, хотя последняя и находилась за пределами ведения столичной администрации.

Шипов был типичным «сотрудником». Его дебют у Воейкова и последующие подвиги доказали, что он обладал всеми доблестями, свойственными людям его профессии. Но ему не повезло прямо-таки на редкость: в феврале 1862 года Шипов был командирован в Тульскую губернию, а 1-го июня того же года полковник Муратов донес III Отделению следующее:

«Галицкий почетный гражданин Михайло Иванович Зимин прибыл в город Тулу 17-го минувшего февраля с тамбовским мещанином Гирос, распустил слухи, что он агент правительства, и что ему поручены важные секретные дела.

По требованию полиции г. Зимин представил свидетельство, выданное ему приставом московской полиции Городской части, г. Шляхтиным, от 15-го февраля 1862 г. за № 101, сроком на два месяца; у г. Гирос был паспорт, выданный ему тамбовской градской управой.

Г. Зимин все время пребывания своего в Туле вел разгульную, нетрезвую жизнь, посещая гостиницы низшего разряда, и, наконец, дошел до такой крайности, что заложил часы товарища своего г. Гирос без его позволения, и через этот поступок они поссорились и разошлись.

Между тем, Зимин болтливостью своею обнаружил секретное поручение, данное ему будто бы правительством, следить за действиями графа Льва Толстого и за лицами, живущими в с. «Ясная Поляна».

Узнав об этом, я пригласил к себе г. Гирос, который подтвердил все относящееся до г. Зимина и прибавил, что г. Зимин обещал ему дать 6 т. рублей сер., если он откроет что-нибудь о графе Толстом, но во все это время г. Гирос ездил в с. «Ясную Поляну» только два раза, не открыв ровно ничего. Г. Гирос живет еще в Туле, а Зимин выехал в Москву 22-го мая, не заявив никому о своем отъезде».

По поводу донесения полковника Муратова управляющий III Отделением написал такую резолюцию: «хорош агент! но я удивляюсь, как можно было его выбрать, — это простой сыщик для мелких воришек, которого я знаю лично».

Нетрудно догадаться, что под видом «почетного гражданина» Зимина отличался дворовый человек князя Долгорукова Михайло Шипов.

Предчувствуя грозу, шпион поспешил в Петербург под тем предлогом, что туда выехал и граф Толстой. Не найдя своего наблюдателя, агент явился в III Отделение «для узнания, не имеют ли они адреса графа». На приеме генерал Потапов осведомил Шипова о донесении тульских властей относительно его походов и предупредил, что ему будет «нехорошо».

Действительно, когда Шипов вернулся в Москву, его немедленно арестовали и посадили в Городскую часть. Тогда, чтобы как-нибудь реабилитироваться, Шипов начал рассказывать о своих «открытиях» по делу Толстого, при чем, как в басне, «к былям небывлиц без счета прилыгал». В показаниях, данных подполковнику Шеншину, чиновнику особых поручений при генерал-губернаторе, Шипов повествует, между прочим: «При графе находится более 20 студентов разных университетов и без всяких видов... На четвертой неделе прошедшего великого поста привезены были к нему в имение из Москвы камни для литографии, шрифты, краска для печатания каких-то запрещенных книг, но, не знаю вследствие каких причин, печатание не состоялось, и все к оному принадлежности отправлены в другое имение, принадлежащее ему в Курской губернии, но потом предположено, чтобы раньше августа месяца работы не начинать... В числе показанных мною учителях находится еще курьер, должность его состоит в частных поездках по трактам к Харькову и к Москве, также у его сиятельства часто бывают продавцы разного товара из Стародубенских слобод, которые у него иногда ночуют и живут по 1 и по 2 дня. Кроме всех сказанных, приему бывает очень лично даже ближним соседям и знакомым. Также мне известно, что в августе месяце настоящего года предполагается у его сиятельства печатание какого-то манифеста по случаю тысячелетия России, и оный манифест был у них на просмотрении и отправлен для чего-то за границу, но куда—мне неизвестно... К тому ж в доме его сиятельства из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы, и вообще дом в ночное время всегда оберегается большим караулом... К этому имею присовокупить, что мной от господина подполковника Дмитрия Семеновича Шеншина с 1-го февраля по настоящее время получено в разное время на расходы триста пятнадцать руб. серебром, в ста руб. из оных представлен отчет в феврале месяце. А в остальных тоже обязуюсь дать полной добросовестный отчет, если же вашему благородию угодно будет отложить до августа месяца вышеупомянутое дело, то обязуюсь содействовать к его наискорейшему открытию. К сему показанию временно обязанный князя Долгорукова дворовый человек Михаил Иванов Шипов руку приложил».

Чтобы развязаться с неприятной историей, московские лекоки решили сплавить «почетного гражданина» Зимина в Петербург. «Препровождаю к вам, почтеннейший Александр Львович,—писал

генерал-губернатор Тучков 26-го июня 1862 года генералу Потапову,—бывшего секретного агента Михайлу Шипова со всеми показаниями, сделанными им по известному вам делу графа Льва Толстого. Хотя Шипов есть такого рода личность, на которую полагаться совершенно нельзя, но важность показаний его требует особенного внимания».

Несмотря на предупреждение Тучкова и на очевидную вздорность сообщений Шипова, III Отделение, само бывшее о нем весьма нелестного мнения, решило все-таки произвести по его доносам особое исследование. Через неделю, 2-го июля, жандармский полковник Дурново получил от князя Долгорукова предписание, которое, помимо дословного изложения шиповских измышлений, гласило: «Находя по настоящим обстоятельствам сведения эти важными и признавая необходимым удостовериться, в какой степени оные справедливы, я предписываю вашему высокоблагородию отправиться в Тульскую и потом, если окажется нужным, в Курскую губернии и сделать надлежащее дознание по сему предмету».

Полковник Дурново начал исполнение данного ему поручения с производства обысков в Ясной Поляне, которые были сделаны (в отсутствие Толстого) с подобающей помпой и продолжались целых два дня. Результат экспедиции не оправдал ожиданий: самый «тщательный и всесторонний» осмотр всего имения обнаружил только... полную лживость донесений Шипова.

Вернувшись в Петербург, полковник Дурново представил шефу рапорт о своей поездке. Он доложил, что в Ясной Поляне проживают только 9 молодых людей, при чем «все они имели свидетельство на жительство», ни у кого из них «предосудительного не оказалось». Лишь у студента Фон-Боля, управляющего имением, обнаружили выписку из № 11 журнала «Колокол».

В школах также, «кроме общеупотребительных учебных материалов и книг, ничего не найдено». Также «в доме графа Толстого, устроенном весьма просто, не оказалось ни потайных дверей и лестниц, ни литографских камней и телеграфа». В бумагах Толстого нашлось лишь несколько писем 1856 года от Тургенева (писателя), по которым «можно было судить, что он находился в коротких отношениях с Герценом. Кроме того, при просмотре корреспонденции выяснилось, что в одном из собственноручных писем (от 25 января 1862 года, к Сердобольскому) Толстой жаловался на жившего у него студента Соколова, осуждая его за то, что любит заниматься литографией, слушает бредни Герцена, но делом не занимается».

В заключение Дурново пишет, что «с посторонними граф Толстой держит себя очень гордо и вообще восстановил против себя помещиков, так как, будучи прежде посредником, он оказывал особое пристрастие в пользу крестьян», обращение с которыми у графа «чрезвычайно просто, а с мальчиками, учащимися в школах, даже дружеское».

III Отделение потерпело полное фиаско. Оно чувствовало себя так неловко, что не решилось даже полностью доложить содержание рапорта полковника Дурново,—князь Долгоруков просто пометил: «Выписку из этого донесения я отправил государю императору 17-го июля».

Но на этом история не кончилась: Л. Н. Толстой не захотел отнестись безучастно к учиненному над ним произволу и обратился с жалобой к самому государю. Письмо, которое он послал по этому поводу императору Александру II, является настолько характерным для настроений Толстого того времени, что стоит привести его целиком. Толстой писал:

«Ваше величество. 6-го июня жандармский штаб-офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости: студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер об'явил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня, обысканы были: школа, подвалы и кладовая, ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено.

Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей тетке и моей сестре. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер об'явил словесно, что он действует по высочайшему повелению. Присутствие сопровождавших жандармских солдат и чиновников подтверждало его слова. Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанными и, уезжая, об'явили моим гостям и семейству, что они свободны, и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были и наши судьи, и от них зависело об'явить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер прибавил, однако, что от'езд его еще не должен окончательно успокаивать нас, он сказал: «каждый день мы можем приехать».

Я считаю недостойным уверять ваше величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Все мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и, наконец, журнал, в котором выражены все мои задушевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я присужден жить и действовать,—посещение это совсем уронило меня во мнении народа, ко-

торым я дорожил, которого заслуживал годами, и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности—основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мной. Себя я не могу обвинить: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по высочайшему повелению.

Для того, чтобы быть всегда правым столь же в отношении моего правительства и особы вашего величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею вашего величества, чтобы безвинные были наказываемы, и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мной, я решаюсь обратиться прямо к вашему величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени вашего величества была снята возможность укоризны в несправедливости, и чтобы были ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени.

Вашего величества верноподданный граф Лев Толстой.

22 августа 1862 года, Москва».

По поводу этого письма III Отделение представило всеподданнейший доклад, в котором имело наивность выставить причиной нанесенного Толстому «оскорбления» проживание у него студентов, занимавшихся преподаванием в школах «без ведома местного начальства».

Дело разрешилось тем, что Толстому в сентябре 1862 года объявили через тульского губернатора, что обыск в Ясной Поляне был вызван «разными неблагоприятными сведениями», и что (его величеству благоугодно, чтобы принятая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий».

К этому об'явлению князь Долгоруков нашел нужным прибавить, для передачи Толстому, «что если бы он, во время пребывания полковника Дурново в Ясной Поляне, находился сам лично, то, вероятно, убедился бы, что штаб-офицеры корпуса жандармов, при всей затруднительности возлагаемых на них поручений, стараются исполнить оные с тою осмотрительностью, которая должна составлять неперменное условие их звания».

О том, действовали ли с надлежащей «осмотрительностью», сами руководители штаб-офицеров, приказавшие, на основании явно вздорного доноса «простого сыщика для карманных воришек» и личности, «на которую полагаться совершенно нельзя», принять меры, нарушившие «счастье и спокойствие людей», об этом шеф жандармов благоразумно умолчал...

Последующее десятилетие жизни Толстого явилось периодом пышного расцвета его художественного творчества: появились романы «Война и Мир», «Анна Каренина».

Характер новых произведений Толстого, направление его деятельности, протекавшей за эти годы в самых строгих рамках легальности, вызвали примирительное отношение к нему со стороны «власть имущих». Последнее простиралось до того, что, когда Толстой, задумавший писать «Декабристов», пожелал осмотреть знаменитую Петропавловскую крепость, ему это охотно разрешили.

Доброжелательное отношение «начальства» к Толстому продолжалось недолго; оно сразу изменилось, как только в мировоззрении писателя наметился крутой перелом.

ТОЛСТОЙ И ПОДПОЛЬЕ. ГЕКТОГРАФ НОВОСЕЛОВА. АРЕСТ ФАЛЬБОРКА. СМЕРТЬ ДРОЖОКИНА.

Как известно, в половине 70-х годов Толстой пережил духовный кризис, который разрешился тем, что писатель сосредоточил центр своего внимания на проблемах этики и религии. С прямотой, свойственной Толстому, он стал резко трактовать вопросы морали и громко провозглашать истины, противоречившие учению господствующей церкви, что сразу поставило его в коллизию с «внешними условиями».

Новое душевное состояние Толстого впервые публично выразилось в его «Письме к Александру III» (1881 г.). Относясь вполне отрицательно к героям 1-го марта, Толстой не мог, однако, примириться и с готовившимся актом судебного возмездия. Следуя своим основным убеждениям, он возвысил свой голос против смертной казни. Обращение его осталось гласом вопиющего в пустыне.

Два года спустя Толстой решил опубликовать первый свой философский опыт «Исповедь», написанную еще в 1879 году; она должна была появиться в журнале «Русская Мысль»; цензура воспротивилась этому, и статья была вырезана из готовой книжки журнала. Пришлось напечатать «Исповедь» за границей, где она вскоре и появилась в издании Элпидина. Это было первое произведение Толстого, вышедшее нелегальным путем.

В 1884 году Толстой сделал попытку опубликовать новое свое творение «В чем моя вера»; когда книжка была уже готова (в издании Маракуева), ее, по настоянию Победоносцева, конфисковали. Волей-неволей яснополянскому мудрецу пришлось уйти в «подполье».

Поклонники Толстого, которые находились среди революционеров, принялись за распространение его «запретных» сочинений, переписывая и воспроизводя их всякими способами. Так; в 1884 году появились оттиснутые в тайной московской литографии «Исповедь», «В чем моя вера», «Изложение евангелия». Потом были от-

гектографированы «Так что же нам делать», «Крейцерова соната» и прочее.

В связи с такой деятельностью последователей Толстого стали возникать и «дела». Первым крупным эпизодом в этом роде был арест в Москве М. Новоселова, принадлежавшего к кружку присяжных поверенных Оленина и Родионова. По обыску, произведенному в рождественский канун 1887 года, у Новоселова были обнаружены гектографские чернила, брошюра «Николай Палкин» и целый ряд других сочинений Толстого; в числе отобранных манускриптов были: «Что сделал Павел», «Мое решение на эти вопросы», «Размышление о жизни Иисуса», «О промысле божием вообще», «Об отношениях человека к человеку», «Критика догматического богословия», «В чем моя вера» ⁽¹⁾.

На допросе Новоселов 29-XII 1887 г. об'яснил: «В заявлении третьего дня я употребил неверное выражение: просьбы со стороны Л. Николаевича никакой не было, а было лишь согласие и желание видеть распространенными свои последние произведения в той форме, в какой они вышли из-под его пера, чтобы публика не оставалась в заблуждении относительно его истинных мыслей». ⁽²⁾.

Почти одновременно с Новоселовым, 27-XII 1887 г., были арестованы В. И. Чарнолуцкий и Г. А. Фальборк, принадлежавшие, повидимому, к числу поклонников Толстого; у последнего из них были обнаружены брошюры «Письма В. Фрея к Толстому» и гектографированный «Каталог систематического чтения». Поводом к задержанию Фальборка послужило следующее обстоятельство: он хотел напечатать об'явление, приглашающее на панихиду по Некрасове; это ему не разрешили; он заказал в церкви Большого Вознесения (на Никитской улице) панихиду и разослал несколько приглашений на нее. Когда Фальборк явился на поминальную церемонию, полиция отправила упрямого почитателя «поэта народных слез» прямо из церкви в арестный дом, а потом выслала в г. Владимир ⁽³⁾.

В эпоху идейного развала 80-х годов проповедь о непротивлении злу — основная идея учений Л. Толстого — нашла себе немало последователей среди интеллигенции, в которой господствовали настроения, представлявшие к тому подходящую почву. Но было бы неправильным отождествлять проповедь Толстого с тем, что принято называть «толстовщиной», так как ученики великого писателя внесли в свою практику немало и маскарадного и утрированного; это признавал и сам их учитель. «Не даром,—пишет в своих воспоминаниях И. Толстой («Рус. Слово», 20-XI 1913 г.),—отец поговаривал про «толстовцев», что это — наиболее чуждая и непонятная для него секта».

Что касается «начальства», то оно, в первое время по крайней мере, смотрело на толстовщину очень снисходительно, учитывая мистический характер этого течения общественной мысли и видя